

О БУКРЕЕВОЙ Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БУКРЕЕВА Екатерина Александровна, родилась в 1882. Получила высшее образование, с 1912 — работала в учреждениях Москвы. 5 февраля 1934 — арестована, 11 мая приговорена к 3 годам ссылки в Казахстан и отправлена в Петропавловскую область. В августе 1935 — по ходатайству Помполита была переведена в Алма-Ату.

В сентябре 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью ее сестра Татьяна Александровна Букреева.

<1 сентября 1935>

«Глубокоочтимая Екатерина Павловна, не имея возможности вследствие тяжелой болезни лично обратиться к Вам с нашим ходатайством, решаюсь беспокоить Вас настоящим письмом и усердной просьбой оказать нам с сестрой содействие и помощь, ознакомившись с тяжелыми обстоятельствами нашей жизни. Обстоятельства эти изложены в заявлении сестры моей Екатерины Александровны Букреевой, отбывающей административную ссылку в Казакстане, г<ород> Алма-Ата.

Чтобы как можно меньше утомить Вас, начну прямо с дела моей сестры.

5 февр<аля> 34 г<ода> она была арестована в г<ороде> Москве и 23/II ей было предъявлено обвинение в участии в нелегальной тайной (религиозной) организации по ст<атье> 58 § 11.

Виновной сестра себя не признала.

11/V-34 г<ода> ей был объявлен приговор Коллегии ОГПУ к ссылке на 3 года в Казахстан в г<ород> Петропавловск, до суда она была сразу направлена в Булаевский район, жила в крайне тяжелых условиях, болела тифом и малярией и летом, в августе 34 г<ода> в ответ на ходатайство была переведена в г<ород> Алма-Ату, где и находится в настоящее время.

Здоровье ее, всегда крайне слабое, благодаря длительному процессу костного туберкулеза позвоночника и катару легких, теперь, после перенесенных ею тяжелых болезней: тифа, малярии, — конечно, ухудшилось, ослабело все и весь организм. Кроме того, очень тревожит серьезная болезнь глаз, угрожающая потерей зрения и требующая постоянного наблюдения и лечения лучших специалистов.

Осенью сестре моей будет 53 года. По возрасту, по крайне слабому и расстроенному здоровью, она вправе надеяться на амнистию, т<о> е<сть> на досрочное освобождение, но главным основанием, на которое она опирается в своем заявлении, является ее 23-х летний трудовой стаж и непрерывная, добросовестная и безупречная работа на Советском строительстве.

Такую работу сестра моя считает первым доказательством невозможности и не заслуженности обвинения ее в контрреволюционном поведении. Обвинение это она считает крайне тяжелым, глубоко для себя оскорбительным еще и потому, что в силу своих внутренних убеждений она находит совершенно недопустимым всякий обман, двуличие и даже утаивание. Она никогда не скрывала, что принадлежит к верующей семье, но именно благодаря своим религиозным убеждениям всегда относилась исключительно добросовестно не только к своим служебным обязанностям, но к внутреннему своему долгу перед родиной и Советской властью. Вот почему она даже и представить себе не в состоянии противозаконного и, тем более, контрреволюционного поведения или отношения, о чем она неоднократно заявляла при разборе своего дела.

К заявлению сестры я могу еще добавить, что обе мы принадлежим к подлинной трудовой интеллигенции, воспитывались в любящей

религиозной семье и с детства были особенно дружны и почти неразлучны. Сейчас мы совершенно одиноки.

Никто из наших знакомых не принадлежал, не мог бы принадлежать к тайной и нелегальной организации; собраний тайных и вообще никаких у нее в нашей кооперативной комнате не бывало, да и быть не могло. Постоянная работа сестры моей, ее частые недомогания и моя тяжелая болезнь заставляли нас жить тихой уединенной жизнью. Сестра моя никогда не играла никакой активной роли в церковной жизни. Крайне сдержанная, молчаливая, она вообще не раскрывала глубины своей души, но считала недопустимым скрывать, что она верующая: и по внутренним своим убеждениям, и по свойству своего исключительно прямого характера.

Ходатайствуя об амнистии, т<о> е<сть> о досрочном освобождении, сестра не предполагает сразу жить в Москве, она лишь надеется получить полное восстановление в правах и возможность жить в 100-верстной зоне Моск<овской> обл<асти>, чтобы иметь право приезжать домой для совета с врачами и чтобы сократить крайне тяжелую для нас разлуку.

Мы с детства были всегда с ней неразлучны, и теперь — в самом конце жизни — при моей полной беспомощности, при ее хрупком и расстроенном здоровье, благодаря огромному пространству, разделяющему нас, — разлука, полная оторванность и постоянная неизвестность особенно для нас мучительны.

Я обращаюсь к Вам, глубокочтимая Екатерина Павловна, с горячей, усердной просьбой о содействии и помощи, зная о Вашей доброте, и надеясь на то, что наше горе найдет отклик в Вашей душе.

Т. Букреева

1/IX - 35 г<ода>.

Москва 26. Мытная ул<ица>, 23, 3-й корпус, кв. 142»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1310. С. 29-30. Автограф.